

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-129-142>

УДК 008

ББК 71.0

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Н. И. Губанов
г. Тюмень, Россия

© 2021 г. Н. Н. Губанов
г. Москва, Россия

ПРОБЛЕМА ПРАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОБОСНОВАНИЕ МОРАЛЬНЫХ НОРМ

Аннотация: Статья посвящена анализу основной проблемы практического дискурса — проблеме обоснования моральных норм. Выявляются логические основания так называемого принципа, или закона, Д. Юма, согласно которому невозможен логический переход от «есть» к «должен», т. е. от дескриптивных суждений к нормативным. Показано, что этот закон исключает не все этические теории, а только те, которые обосновывают нормы морали, выводя их из каких-либо реалий внешнего мира: законов природы, направления эволюции, объективного хода истории и т. п. Юм только ограничивает способы обоснования нормативных суждений, но не исключает самой возможности их обоснования. Обсуждаются различные виды и попытки обоснования оценочных суждений. Предлагается использовать новое понятие *нормативная правильность*. Дан анализ когнитивистских и некогнитивистских концепций (И. Кант, К. Байер, М. Сингер, Дж. Ролз, П. Лоренцен, Э. Тугендхад, Карл-Отто Апель, Ю. Хабермас). В статье отдается предпочтение когнитивистскому подходу, а в его рамках — этике дискурса, разработанной Ю. Хабермасом. Центральным моментом этики дискурса служит принцип универсализации, подробно рассмотренный в статье. Показано, что принцип универсализации и другие положения этики дискурса представляются хорошо обоснованными, а сам подход наиболее перспективным из всех других современных этических начинаний. Кроме того, этика дискурса лучше всего соответствует духу подлинной демократии. Один из способов склонить людей к проявлению свободной воли и к применению принципа универсализации заключается в просветительской деятельности, апелляции к разуму, демонстрации того, что программа обоснования этики дискурса лучше всего проясняет наши повседневные моральные интуиции и способствует делу защиты демократии.

Ключевые слова: метаэтика, категорический императив, когнитивизм, некогнитивизм, теория справедливости, этика дискурса, принцип универсализации, Дж. Ролз, Ю. Хабермас.

Информация об авторах:

Николай Иванович Губанов — доктор философских наук, профессор, Тюменский государственный медицинский университет, Одесская ул., д. 54, 625023 г. Тюмень,

Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0622-1838>. E-mail: gubanov48@mail.ru

Николай Николаевич Губанов — доктор философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Ленинградский просп., д. 49, 125993 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6044-3936>. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.06.2020

Дата публикации: 28.12.2021

Для цитирования: Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Проблема практического дискурса: обоснование моральных норм // Вестник славянских культур. 2021. Т. 62. С. 129–142. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-129-142>

В качестве постановки проблемы нашего исследования возьмем анализ так называемого принципа, или закона, Дэвида Юма. «Д. Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от “есть” к “должен” и упрекнул всю предшествующую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством» [1, с. 184]. С одной стороны, у нас есть дескриптивные (описательные) суждения, они относятся к миру сущего, принимают истинностные значения «истина/ложь», говорят о фактах. Например, суждение «Эта доска зеленая». Мы можем посмотреть на эту доску все вместе и удостовериться в том, что она действительно зеленая. С другой стороны, есть нормативные (предписательные) суждения, они относятся к миру должного, не принимают значения «истина/ложь», но могут быть эффективными или нет в отношении достижения какой-либо цели, говорят о ценностях, целях, нормах. Например, суждение «Доска должна быть вымыта начисто». Для преподавателя, который пришел в аудиторию вести занятие после предыдущего, это необходимо; преподавателю, который что-то написал и демонстрирует написанное студентам, это испортит занятие.

В случае дескриптивных суждений мы отталкиваемся от реальности и проверяем, насколько ей соответствует наше суждение о ней, в зависимости от чего суждение объявляется истинным или ложным; в случае нормативных суждений мы отталкиваемся от нашего суждения (представления) о должной реальности и сравниваем с ней имеющуюся реальность, в зависимости от чего реальное положение дел объявляется хорошим или плохим, соответствующим каким-либо ценностям или нет, подлежащим исправлению или нет и т. д. Проще говоря, в первом случае, чтобы быть истинными, мысли подгоняются под реальность (реальность первична), во втором случае, чтобы быть «хорошей», реальность подлежит приведению в соответствие с мыслями (представления первичны). Эта два разнонаправленных модуса употребления языка. Они существуют благодаря тому, что сознание имеет две стороны — отражательную, состоящую в воспроизведении сущего, и проективную, заключающуюся в моделировании должного.

Закон Юма утверждает невыводимость оценок, в частности норм и решений, из фактов. Как можно обосновать принцип Юма? Сам Юм в свое время не привел достаточно убедительных аргументов [10]. Отечественный логик А. А. Ивин приводит два довода в поддержку этого принципа. Первый аргумент: все попытки его опровергнуть ни к чему не привели. «К принципу Юма были предложены многочисленные контрпримеры, в которых из посылок, кажущихся чисто описательными, дедуктивно выводилось оценочное (нормативное) заключение. Однако более внимательный анализ показал, что ни одно из предлагавшихся в качестве контрпримера умозаключе-

ний не достигало своей цели: или его послышки содержали неявную оценку (норму), или между послышками и заключением отсутствовала связь логического следования» [1, с. 187]. Более интересен второй, теоретический, аргумент, противопоставляющий описания и оценки как два полярных употреблений языка. «Описание должно соответствовать миру; задачей оценки является в конечном счете приведение мира в соответствие с оценкой. Эти две противоположные задачи не сводимы друг к другу. Очевидно, что, если ценность истолковывать как противоположность истины, поиски логического перехода от “есть” к “должен” лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой» [1, с. 187].

Формулировка этого, в общем-то, правильного с точки зрения логики принципа, приводит Юма к идее иррациональной основы нравственности. «Для Юма нормативное — цели, ценности, нормы — не может быть истинным или ложным. Вопрос об истинности или ложности предложения определяется зависящим от опыта использованием разума, как это имеет место в экспериментальных науках. Но это основанное на опыте использование разума не может дать оценку целям, ценностям нормам... разум может, конечно, оценить какие средства наилучшим образом ведут к поставленной цели... В принципе, разум говорит нам, достижима или нет наша цель... Однако основанное на опыте использование разума не может сказать нам, к каким основным целям и ценностям мы должны стремиться, так как подобные нормативные вопросы лежат вне его границ... В конечном счете, нормы и ценности основываются на чувствах (побуждениях), а не на разуме. Именно это различие дескриптивного и нормативного, разума и чувств имеет в виду Юм, когда он, например, говорит, что «я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [6, с. 388]. Другие слова Юма: «...не может быть, чтобы различие между добром и злом устанавливал разум, поскольку это различие оказывает на наши поступки заметное влияние, на которое абсолютно не способен разум... мы скорее чувствуем нравственность, чем судим о ней... сознавать добродетель не что иное, как чувствовать особое удовольствие при рассмотрении любого характера. В самом чувстве и заключается наша похвала или восхищение» (цит. по: [4, т. 3, с. 390]).

Однако Юм разделяет иные взгляды, чем некоторые софисты, которые полагали, что нормативное основывается на эмоциях, и выводили отсюда релятивистские заключения. Он предлагает некоторый общий базис для нормативного, хотя оно и основано на эмоциях. В противоположность пессимистической позиции Гоббса для Юма великой моральной значимостью обладает чувство симпатии: «Самое замечательное из всех качеств человеческой природы как само по себе, так и по всем последствиям — это присущая нам склонность симпатизировать другим людям и воспринимать посредством сообщения их наклонности и чувства, как бы они ни отличались от наших» (цит. по: [4, т. 3, с. 391]). Если мы занимаем по отношению к происходящему совершенно беспристрастную позицию, то испытываем одни и те же чувства отвращения или одобрения, которые и являются универсальным аргументом в решении нормативных вопросов. В работе «Исследование о началах нравственности» Юм прибегает даже к принципу утилитаризма: «Значит, если полезность есть источник нравственного чувства и если эта полезность не рассматривается всегда по отношению к отдельному “я”, то из этого следует, что, поскольку она способствует счастью общества, она рекомендуется нашему непосредственному одобрению и нашей доброй воли. Вот принцип, играющий самую

большую роль в происхождении нравственности» (цит. по: [4, т. 3, с. 392]). В этике и политике Юм отводит чувствам, привычкам, соглашениям то место, которое он отобрал у разума [6].

Уточним некоторые методологические следствия принципа Юма. Иногда утверждается, что в силу него этика не способна перейти от наблюдения моральной жизни к обоснованию моральных норм, и так как все системы этики не опираются на факты, то они автономны и равноценны. По мнению А. А. Ивина, хотя закон Юма справедлив, принцип автономии этики ошибочен. «Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических посылок к оценочным или нормативным заключениям. Конечно, обсуждение особенностей обоснования моральных норм требует учета этого логического результата. Вместе с тем ясно, что он не предопределяет решение методологических проблем обоснования этики, точно так же, как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предрешает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания. Научные законы не вытекают логически из фактов, но это не значит, что опыт для них безразличен» [1, с. 188]. Переход от эмпирического уровня науки к теоретическому не является логическим выводом, это скачок в неизвестность, связанный с тем, что научный закон имеет дуальную описательно-оценочную природу. Он не только обобщает известные факты, но и выступает критерием оценки новых компонентов науки. Например, сначала законы сохранения выступали как описания существующего положения дел, но после того, как эти законы получили статус фундаментальных, они стали критерием оценки новых гипотез, отбраковывая те, которые им не соответствуют [7]. Конечно, двойственность научных законов (наличие в них нормативного компонента) не делает какую-либо науку автономной и не зависящей от эмпирического материала. В социально-гуманитарных науках и повседневной жизни описательно-оценочные утверждения встречаются еще чаще, здесь размывается граница между чистыми описаниями и оценками, принцип Юма лишается своей ясности, делая необходимым дополнительный логический анализ.

Закон Юма дискредитирует только такие этические теории, которые обосновывают нормы морали, выводя их из каких-либо реалий внешнего мира: законов природы, направления эволюции, объективного хода истории и т. п. Предположим, в истории существует необходимость в переходе от одного этапа развития общества к другому. Это вовсе не означает, что индивид обязан содействовать исторической необходимости и всячески ее ускорять. Из социологических законов логически не следуют нормы морали точно так же, как из природной необходимости всего живого умирать, не следует морального долга способствовать этому исходу. Сведение нравственности к природной или исторической необходимости методологически несостоятельно. Принцип Юма говорит о том, что оценки должны обосновываться совершенно иначе, чем описания. Но он только ограничивает способы обоснования нормативных суждений, но не исключает самой возможности их обоснования.

Например, А. А. Ивин выделяет следующие виды обоснования оценочных суждений. 1) Квазиэмпирическое обоснование: различные индуктивные рассуждения, среди посылок которых имеются оценки и заключения которых также являются оценкой (неполная индукция, аналогия, ссылка на образцы, целевое подтверждение, использование акта понимания как индуктивного свидетельства в пользу его посылок и др.). 2) Теоретическое обоснование: дедуктивное (выведение обосновываемого оценочного суждения из других, ранее принятых при помощи законов логики, учитывающих свое-

образе оценок и норм и сформулированных в деонтической логике и логике оценок), системная аргументация (обоснование оценок путем их включения в хорошо обоснованную систему оценочных суждений), демонстрация совместимости обосновываемой оценки с другими принятыми оценками, методологическое обоснование (ссылка на то, что оценка получена с помощью метода, уже неоднократно показавшего свою надежность) и др. 3) Контекстуальное обоснование: аргумент к традиции, аргумент к авторитету, аргументы к интуиции и вере, аргумент к вкусу и др. [1].

Все эти способы обоснования оценок повсеместно используются и имеют право на применение при условии четкой фиксации их ограничений и несовершенств. Но дальше мы будем рассматривать попытки найти более фундаментальные и универсальные принципы аргументации в моральной сфере, а пока остановимся на еще одном важном в повседневной жизни приложении закона Юма.

В наше время люди привыкли больше всего доверять мнению всякого рода научных экспертов. И это вполне понятно ввиду потрясающих воображение достижений современной науки. Реклама, политики, идеологи всех мастей и прочие акторы, желающие манипулировать нашим сознанием, используют эту нашу привычку в своих целях. Они сознательно нарушают принцип Юма, опуская в умозаключении какую-либо нормативную посылку, чтобы навязать нам выгодный им способ поведения, а оставляют только дескриптивную, наукосообразную посылку, из которой дедуцируют выгодную им норму. Приведем утрированный в целях наглядности пример. Пускай некий политик говорит: «Моя программа увеличит национальный доход на 2%. Следовательно, моя программа должна быть принята». Это логически ошибочное умозаключение. Первое суждение — дескриптивное. Предположим, что оно истинно, т. е. по подсчетам экономистов программа действительно повысит национальный доход на 2%. Но заключение — нормативное суждение со связкой «должна». А по закону Юма только из дескриптивных суждений нельзя вывести нормативное. Поэтому корректное умозаключение должно иметь, например, вид:

- 1) Моя программа увеличит национальный доход на 2%.
- 2) Все программы, которые увеличивают доход, должны быть приняты.
- 3) Следовательно, моя программа должна быть принята.

Итак, нам навязали пропущенную нормативную посылку 2). А готовы и желаем ли мы ее принять? Например, программа предлагает прекратить выплачивать пенсии или вообще физически ликвидировать пенсионеров. Когда нас подводили к принятию сокрытой нормы, нас лишили права осмысленно принимать демократическим путем решения по нормативным вопросам. Так происходит подмена демократии властью экспертов. И это происходит сплошь и рядом. Достаточно присмотреться к рекламам, выступлениям политиков и т. д., начинающихся со слов «учеными доказано...», по мнению экспертов... и т. п.», а заканчивающихся навязыванием нам определенных стандартов жизни и поведения. Надо иметь в виду, что существуют фактические суждения, где решающее слово принадлежит экспертам, а есть вопросы ценностей и целей, где решающее слово принадлежит нам всем.

Как было сказано выше, принцип Юма логически совершенно справедлив, но означает ли это, что нам следует вслед за Юмом отказать разуму в способности разрешать моральные вопросы? Упрощенно говоря, в зависимости от решения этого вопроса философские этические теории можно разделить на когнитивистские и некогнитивистские (когнитивизм и некогнитивизм). Когнитивистские этики в том или ином смысле признают за моральными вопросами «истинностный смысл» и полагают моральные

нормы видами знания, «когнициями». В противоположность им некогнитивисты полагают, что, поскольку в отношении этических понятий невозможно говорить об истинности или ложности, то в этике не существует предмета, достойного быть объектом знания. «Сама понятийная дихотомия “когнитивное – некогнитивное” применительно к этике первоначально была сформулирована представителями одной из метаэтических школ — эмотивизма; они утверждали, что моральные высказывания не являются когнитивными, т. е. ничего не сообщают о своем объекте, а лишь выражают позитивные или негативные эмоции говорящего в отношении объекта, о котором идет речь» [2].

Пожалуй, монументальной фигурой когнитивизма выступает И. Кант. В русле этой традиции развивали свои теоретические представления Курт Байер, Маркус Георг Сингер, Джон Ролз, Пауль Лоренцен, Эрнст Тугендхад, Карл-Отто Апель, Юрген Хабермас. Все они сходятся в том, что пытаются подвергнуть анализу условия беспристрастного обсуждения моральных вопросов, которое опиралось бы на какие-либо надежные основания. На наш взгляд, следует отдать предпочтение именно когнитивистскому началу, а в рамках него — так называемой этике дискурса в формулировке Ю. Хабермаса. Далее мы будем противопоставлять этику дискурса другим когнитивистским, но главным образом, некогнитивистским подходам.

Начнем с постановки важнейшего вопроса о смысле «моральной истинности». Быть может, чтобы не уподоблять нормативные суждения дескриптивным, следует пользоваться термином «нормативная правильность»? Мы можем исходить из того, что, наряду с притязанием на истинностную значимость, может существовать притязание на нормативную значимость, которая обосновывается иным способом. Тогда теряют силу традиционные аргументы моральных скептиков. «Аргументация скептиков и некогнитивистов строится на том умозаключении, что в этической теории нет места прямому эмпирическому исследованию, поскольку этические факты не похожи на объекты, изучаемые науками. В науке выбор в пользу той или иной теории мы делаем на основе наблюдения, которое сообщает нашим суждениям высокую степень объективности» [3, с. 131]. Следовательно, нужно наметить пути решения вопроса о том, в каком смысле и каким способом могут быть обоснованы моральные нормы. В работе «Место разума в этике» Стивен Тулмин так формулирует основной вопрос философской этики: «Какого рода аргументы и доводы достаточны для нас, чтобы высказаться в поддержку того или иного морального решения?» [14, р. 64].

Пока предположим, что можно привести такие веские основания моральных норм, которые будут отличны как от обоснования дескриптивных суждений посредством верификации и фальсификации, так и от простого изъявления своих субъективных чувств, предпочтений и намерений. Если наше предположение окажется верным, то тогда можно критиковать: а) такие когнитивистские этики, как дефинитивные теории метафизического типа и интуитивистские ценностные этики за то, что они понимают нормативные предложения по ложному образцу дескриптивных предложений; б) такие некогнитивистские этики, как эмотивизм, императивизм, децизионизм и прескриптивизм за то, что они понимают нормативные предложения по ложному образцу экспрессивных, императивных, а также предложений, выражающих намерения или цели. Рассмотрим некоторые примеры такой критики.

Интуитивизм уподобляет нормативные предложения описательным предикативным предложениям типа «Этот стол желтый». Дж. Э. Мур тщательно исследовал, как соотносятся предикаты «хороший» и «желтый». По его мнению, ценностные предикаты связаны с неестественными качествами, которые по аналогии с восприятием

вещественных качеств могут быть получены в идеальном созерцании или отвлечении от идеальных предметов. Мур хочет показать, что истинность интуитивно ясных нормативных предложений может быть доказана хотя бы косвенно [12]. Ю. Хабермас показал, что, преобразуя нормативные предложения в предикативные, Мур направляет свой анализ по ложному следу. Рассмотрим предложения: (1) «Этот поступок хороший» и (2) «Этот стол желтый». Несмотря на их внешнее сходство, как только мы предикату «хороший» придаем смысл и значимость «морального добра», мы сразу сознаем асимметрию. Эти предложения выражаются разными метаязыковыми формулировками:

(3) Правильно, что «h» (предписано «h»).

(4) Истинно, что «p» («p» имеет место).

Где «h» обозначает «этот поступок хороший (в данной ситуации следует поступать именно так)», а «p» обозначает «этот стол желтый». Метаязыковые формулы (3) и (4) выражают в явной форме притязания на значимость, скрыто присутствующие в (1) и (2). По форме предложений (3) и (4) видно, что анализ способов, какими приписываются и отрицаются предикаты (находящихся внутри «h» и «p»), не является правильным путем к тому, чтобы объяснить притязания на значимость, содержащиеся в выражениях «правильно» и «истинно» (находящихся снаружи от «h» и «p»). «Если уж сравнивать между собой притязания на правильность и на истинность, не уподобляя сразу же одно другому, то нужно выяснить, каким образом “p” и “h” могут быть в каждом случае обоснованы, как мы можем привести веские аргументы за или против значимости предложений (1) и (2)» [8, с. 83]. Итак, «правильность» — это не качество. Когда мы спрашиваем, какой поступок лучше, мы спрашиваем не о качестве, а об основаниях, исходя из которых следует сделать то, а не иное.

Этический объективизм Мура и его сторонников, предпринявший интуитивистскую попытку отыскать моральные истины, окончился неудачей в силу того, что он пытался проверить нормативные предложения по тем же правилам игры, что и дескриптивные предложения. В качестве альтернативы было предложено вообще отвергнуть наличие у практических вопросов какого-либо аналогичного истинностному смысла; на смену интуитивизму Мура пришел субъективистский ответ в форме эмотивизма А. Дж. Айера и Ч. Стивенсона, «указавших на относительность любых этических суждений, которые в отсутствии контекста лишены какого-либо смысла... все оценочные суждения, в том числе моральные, представляют собой выражения предпочтения, установки или чувства» [9]. Главная проблема субъективизма в том, чтобы каким-либо приемлемым образом объяснить наши повседневные моральные интуиции, выражающиеся в том, что мы в жизненном мире всякий раз спорим о практических вопросах так, как если бы их можно было разрешить с помощью веских оснований. Моральным скептикам остается только объявить нашу веру в возможность обоснования норм иллюзией. «Эмотивистский и императивистский подходы должны убедить нас в том, что неясное значение нормативных предложений может быть в конце концов сведено к значению предложений, выражающих переживания или требования, либо к их комбинации. При таком прочтении нормативная составляющая в значении предложений долженствования в закодированном виде выражает или субъективные установки, или попытки убеждения средствами суггестии, или и то и другое» [8, с. 85].

Р. М. Хеар в работе «Язык морали» развивает прескриптивистский подход, который представляет собой расширение императивистского подхода, так как в нем нормативные высказывания анализируются по модели, объединяющей вместе императивы и оценки [11]. Говорящий посредством нормативного предложения предписы-

вает слушателю определенное действие. Поскольку эти предписания в конечном счете основываются на принципах, произвольно принятых говорящим, то прескриптивизм Хеара сводится к этическому децизионизму (decision — решение). Нормативные предложения обосновываются посредством предложений цели, с помощью которых говорящий утверждает свой выбор принципов, а в результате выбор того или иного образа жизни. Хотя децизионизм Хеара лучше совмещается с тем фактом, что во время спора о практических вопросах мы фактически обращаемся к основаниям, чем эмотивизм и в узком смысле императивизм, он тоже приходит к тому же скептическому пункту. Все эти метаэтические подходы объявляют, что «смысл нашего морального лексикона в действительности состоит в том, чтобы продуцировать высказывания, адекватными лингвистическими формами которых были бы экспрессивные предложения, императивы или предложения цели. Ни с одним из этих типов предложений не может быть связано ни притязание на истину, ни вообще притязание на аргументируемую значимость» [8, с. 87].

Вернемся к нашему предположению о том, что в моральной сфере могут быть найдены веские основания для обоснования норм. Один из главных аргументов некогнитивистов состоит в эмпирическом указании на то, что моральные споры, как правило, редко удается уладить окончательно. Этот тезис теряет силу, если получится выявить принцип, на основе которого мы можем достичь принципиальное согласие в практических дискуссиях. В своей внушительной программе обоснования этики дискурса Хабермас показал, что сущность моральных феноменов раскрывается в процессе формально-прагматического исследования коммуникативных действий, в которых акторы ориентируются на взаимные притязания на значимость [8]. В практических дискурсах во главу угла ставится не истинность описаний, не правдивость экспрессивных выражений или благообразность конструкций, а только правильность норм и действий — является ли это правильным в моральном отношении. В теоретическом дискурсе мостом между единичными наблюдениями и общими теориями являются различные виды индукции. В практическом дискурсе нужен соответствующий связующий принцип. В поисках такого морального принципа, который в качестве правила аргументации играл бы такую же роль, как и индуктивный принцип в дискурсе опытных наук, все когнитивистские этики исходят из интуиции, выраженной Кантом в категорическом императиве [8]. Основополагающая идея здесь заключается в принятии неличностного или всеобщего характера действенных моральных норм, которые должны выражать всеобщую волю.

Рассмотрим одно из наиболее интересных таких начинаний. Джон Ролз рассматривает центральные идеи и цели своей теории справедливости «в качестве основы философской концепции конституционной демократии» [5, с. 8]. Свою теорию Ролз начинает с обсуждения так называемой «исходной позиции». Это гипотетическая ситуация, в которой никто не знает своего места в обществе, своего классового положения, своего социального статуса, а также какие ему достались природные дарования, умственные способности, силы, здоровье. «Я даже предположу, что стороны не знают своих концепций блага или своих психологических склонностей. Принципы справедливости выбираются за занавесом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение, и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга» [5, с. 26]. Поэтому Ролз

называет свою теорию «справедливость как честность». Сам он полагает свою теорию обобщением до более высокого уровня абстракции теории общественного договора в том виде, как она сформулирована у Локка, Руссо и Канта. Изначальная позиция соответствует естественному состоянию в традиционной теории общественного договора [5]. Изначальная позиция служит эвристическим приемом, который вынуждает каждого рационального и свободного актора выбирать принципы всеобщей справедливости.

«Я утверждаю, что лица в исходном положении выберут два весьма различных принципа: первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, и, в частности, для менее преуспевающих членов общества» [5, с. 28]. На первый взгляд, второй принцип напоминает принцип утилитаризма, но Ролз — антиутилитарист. Следующая цитата весьма хорошо передает основной посыл теории Ролза: «Эти принципы исключают обоснование институтов теми соображениями, что трудности для некоторых людей компенсируются большими благами общества в целом. То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть и рационально, но не справедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение. Интуитивная идея здесь заключается в следующем: так как благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто бы не мог иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже. Два упомянутых принципа кажутся честным соглашением» [5, с. 28–29]. Изложение своей теории Ролз выстраивает на основе постоянного противопоставления классическому утилитаризму (в духе Г. Сиджвика) и интуитивизму.

Итак, по Ролзу, если некий закон призывает ограничить перспективы наиболее удачливых членов общества и это ограничение будет вредным и для менее удачливых, то такой закон будет несправедливым. Однако если некий закон улучшает положение сильнейших и в то же время улучшает позицию слабейших, то такой закон справедлив. Иногда этот принцип называют “maximum minimumum” — принцип максимизации минимума, согласно которому в качестве блага рассматривается максимизация не общих социальных условий, а, главным образом, позиции наиболее слабых членов общества. Дэниэл Белл по этой причине даже узрел в идеях Ролза «грандиозную попытку оправдать этику социализма» [4, т. 4, с. 762].

Хабермас выдвигает следующее серьезное возражение против попыток, подобных предпринятым Кантом и Ролзом сформулировать принципы, которые допускали бы монологическое употребление. Кант и Ролз придали операциональный характер точке зрения беспристрастности таким образом, что каждый может в одиночку оправдать основные нормы. По мнению же Хабермаса, «задачи, которые должны быть решены в дискуссиях по вопросам морали, не поддаются монологическому решению, а требуют совместных усилий. Вступая в моральную дискуссию, ее участники разворачивают в рефлексивной установке свои коммуникативные действия с целью восстановления нарушенного консенсуса... Только процесс достижения intersubjectивного взаимопонимания может привести к согласию, рефлексивному по своей природе: только тогда его участники смогут осознать, что они совместными усилиями друг друга в чем-то убедили» [8, с. 106].

Хабермас, на наш взгляд, вполне правомерно предлагает переформулировать категорический императив Канта следующим образом: «Вместо того чтобы предписывать всем остальным в качестве обязательной некую максиму, которую я хотел бы сделать всеобщим законом, я должен предложить свою максиму всем остальным для дискурсивной проверки ее притязания на универсальность. Акцент при этом перемещается с того, что каждый (в отдельности) может, не встречая возражений, желать в качестве всеобщего закона, на то, что все, в согласии друг с другом, желают признать в качестве универсальной нормы» [8, с. 107]. Он совершенно прав в том, что только действительное участие в дискуссии каждого заинтересованного субъекта способно предотвратить возможные искажения в интерпретации остальными его собственных интересов. Каждый должен стать последней инстанцией для суждения о том, в чем действительно состоит его интерес. «Но, с другой стороны, изложение дела, в котором каждый отстаивает свои интересы, должно оставаться доступным и критике со стороны остальных» [8, с. 107].

Следовательно, перед Хабермасом стоит задача сформулировать такой связующий моральный принцип, который бы делал возможным достижение согласия в моральных спорах, и притом не допускал бы его монологического применения, а содержал бы в себе перспективу реального проведения моральных дискуссий, к которым допускались бы все заинтересованные лица, и задавал бы правила таких дискуссий. Хабермас решает эту задачу, вводя принцип универсализации U. «Всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию:

- чтобы те прямые и побочные действия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов (предположительно) каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются (и оказались бы для них предпочтительнее результатов других известных им возможностей урегулирования)» [8, с. 104].

Хабермас ввел принцип U в качестве правила аргументации, которое всегда дает возможность достичь согласия в практических дискурсах, если дело может быть улажено с равномерным вниманием к интересам всех его участников. Далее следует грандиозное трансцендентально-прагматическое обоснование принципа U, исходя из всеобщих прагматических предпосылок аргументации как таковой. Здесь Хабермас опирается на исследования своего учителя К.-О. Апеля, который обновил способ трансцендентального обоснования средствами языковой прагматики. Этот способ обоснования подразумевает анализ неотъемлемых правил аргументации, которые мы все неявно принимаем и подразумеваем, когда вступаем в коммуникативное взаимодействие: «...любая аргументация, в каких бы контекстах она ни проводилась, покоится на прагматических предпосылках, из пропозиционального содержания которых может быть выведен принцип универсализации U» [8, с. 129]. Таким образом, невозможно совершать коммуникативные действия и при этом отрицать принцип U; тогда мы впадаем в противоречие сами с собой. Сам факт совершения акта аргументации обозначает наше неявное принятие неустрашимых принципов аргументации как таковой, а из них выводится принцип U.

Приведем пример таких неотъемлемых прагматических предпосылок дискурса:

(3.1) Каждый владеющий языком и дееспособный субъект может принять участие в дискурсе.

(3.2) а. Каждый может ставить под вопрос любое утверждение.

б. Каждый может вводить в дискурс любое утверждение.

в. Каждый может выражать свои установки, желания и потребности.

(3.3) Никакое принуждение, господствующее вне или внутри дискурса, не должно мешать никому из говорящих реализовать свои права, определенные в пунктах (3.1) и (3.2).

Когда утверждается, что это неотъемлемые правила дискурса, то не имеется в виду, что в реальных дискуссиях их никто не нарушает. Их часто нарушают. Эти правила обозначают то, что, когда вы вступаете в осмысленное коммуникативное действие с кем-либо с целью достижения взаимопонимания и координации планов своих действий, вы неявно подразумеваете их. Пожалуй, можно сказать, что они придают смысл дискуссии как таковой. «Если каждый, кто присоединяется к дискуссии, должен, кроме прочего, принять предпосылки, содержание которых может быть представлено в форме правил (3.1) — (3.3) и если мы также знаем, что значит гипотетически обсуждать, должны ли быть введены в действие те или иные нормы, то каждый, кто всерьез предпринимает попытку дискурсивно подкрепить притязания на нормативную значимость, интуитивно принимает методические условия, которые сродни косвенному признанию принципа U» [8, с. 145].

Подведем итоги. Принцип U глубоко укоренен в нашей коммуникативной деятельности и так же стар, как язык и мораль, понимаемая в качестве формы общественного сознания. Принцип универсализации U, другие положения этики дискурса представляются нам весьма хорошо обоснованными, а сам подход наиболее перспективным из всех других современных этических начинаний. Кроме того, этика дискурса, на наш взгляд, лучше всего соответствует духу подлинной демократии. Принцип U обоснован, но как поспособствовать тому, чтобы в наше время, когда на уровне обыденного сознания господствуют воинствующий примитивный индивидуализм, субъективизм и утилитаризм, люди проявили бы свободную волю к применению принципа U? По нашему мнению, один из способов заключается в просветительской деятельности, апелляции к разуму, демонстрации того, что программа обоснования этики дискурса лучше всего проясняет наши повседневные моральные интуиции и способствует делу защиты демократии. Смеем надеяться, что данная статья внесет посильную лепту в достижение этой благородной цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Ивин А. А.* Теория аргументации. М.: Гардарики, 2000. 416 с.
- 2 *Максимов Л. В.* О методологических дилеммах теоретической этики // *Философская мысль*. 2019. № 10. С. 31–40. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31666 (дата обращения: 07.06.2020).
- 3 *Орлова Т. А.* Истина и справедливость: обоснование утилитаризма в теории морального реализма // *Вестник СПбГУ. Сер. 6*. 2014. № 2. С. 128–137.
- 4 *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней / пер. с итал. С. Мальцева. СПб.: Петрополис, 1996. Т. 3: Новое время. 736 с. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 4: От романтизма до наших дней. 880 с.
- 5 *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 535 с.
- 6 *Скирбекк Г., Гилье Н.* История философии / пер. с англ. В. И. Кузнецова. М.: ВЛАДОС, 2000. 800 с.
- 7 *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2003. 744 с.
- 8 *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 382 с.

- 9 *Ястребцева А. В.* Метаэтика: реализм и антиреализм в современных дискуссиях об основаниях нормативности // Вопросы философии. 2016. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1503&Itemid=52 (дата обращения: 07.06.2020).
- 10 *Black M.* The Gap between «Is» and «Should» // Philosophical Review. 1964. Vol. 73, № 2. P. 165–181.
- 11 *Hare R. M.* The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952. 202 p.
- 12 *Moore G. E.* Principia Ethica. Cambridge: Cambridge University Press, 1903. 232 p.
- 13 *Toulmin. St.* The examination of the place of reason in ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 228 p.

© 2021. Nikolay I. Gubanov
Tyumen, Russia

© 2021. Nikolay N. Gubanov
Moscow, Russia

THE ISSUE OF PRACTICAL DISCOURSE: SUBSTANTIATION OF MORAL NORMS

Abstract: The paper provides analysis of the main problem of practical discourse — the issue of substantiation of moral standards — and addresses logical foundations of the so-called principle or law of D. Hume, according to which a logical transition from “is” to “should” is impossible, that is, from descriptive judgments to normative ones. The study shows that this law does not exclude all ethical theories, but only those that justify the norms of morality, deducing them from any realities of the external world: laws of nature, direction of evolution, objective course of history, etc. Hume only limits the methods of substantiating normative propositions, but does not exclude the very possibility of justifying them. The authors discuss various types and attempts to substantiate value judgments and propose to use a new concept of normative correctness. They also perform analysis of cognitive and non-cognitive concepts (I. Kant, C. Bayer, M. Singer, D. Rawls, P. Lorenzen, E. Tugendhad, Karl-Otto Apel, J. Habermas). The paper gives preference to the cognitive approach, and within its framework — the ethics of discourse developed by J. Habermas. The central point in the ethics of discourse is the principle of universalization, which is discussed in detail. The study shows that the principle of universalization and other provisions of the ethics of discourse seem to be well-founded, and the approach itself is the most promising of all other modern ethical undertakings. It also attests to the fact that the ethics of discourse is best suited to the spirit of genuine democracy. As the authors conclude, one way to persuade people to exercise free will and to apply the principle of universalization is through enlightenment, appealing to the mind, and demonstrating that a program to substantiate the ethics of discourse is the best in clarifying our everyday moral intuitions and defending democracy.

Keywords: metaethics, categorical imperative, cognitivism, non-cognitivism, justice theory, ethics of discourse, principle of universalization, D. Rawls, J. Habermas.

Information about the authors:

Nikolay I. Gubanov — DSc in Philosophy, Professor, Tyumen State Medical University, Odessa St., 54, 625023 Tyumen, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0622-1838>. E-mail: gubanov48@mail.ru

Nikolay N. Gubanov — DSc in Philosophy, Associate Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky avenue 49, 125299 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6044-3936>. E-mail: gubanovnn@mail.ru

Received: June 10, 2021

Date of publication: December 28, 2021

For citation: Gubanov N. I., Gubanov N. N. The issue of practical discourse: substantiation of moral norms. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 62, pp. 129–142. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-62-129-142>

REFERENCES

- 1 Ivin A. A. *Teoriia argumentatsii* [Argument theory]. Moscow, Gardariki Publ., 2000. 416 p. (In Russian)
- 2 Maksimov L. V. O metodologicheskikh dilemmakh teoreticheskoi etiki [On the methodological dilemmas of theoretical ethics]. *Filosofskaia mysl'*, 2019, no 10, pp. 31–40. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31666 (accessed 07 June 2020). (In Russian)
- 3 Orlova T. A. Istina i spravedlivost': obosnovanie utilitarizma v teorii moral'nogo realizma [Truth and justice: the rationale for utilitarianism in the theory of moral realism]. *Vestnik SPbGU*, Serii 6, 2014, no 2, pp. 128–137. (In Russian)
- 4 Reale Dzh., Antiseri D. *Zapadnaia filosofiia ot istokov do nashikh dnei* [Western philosophy from its origins to the present day], translated from Italian by S. Mal'tsev. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. Vol. 3: Novoe vremia [New time]. 736 p. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. Vol. 4: Ot romantizma do nashikh dnei [From romanticism to the present day]. 880 p. (In Russian)
- 5 Rolz Dzh. *Teoriia spravedlivosti* [Theory of justice], translated from English by V. V. Tselishchev. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGU Publ., 1995. 535 p. (In Russian)
- 6 Skirbekk G., Gil'e N. *Istoriia filosofii* [History of philosophy], translated from English by V. I. Kuznetsov. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 800 p. (In Russian)
- 7 Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2003. 744 p. (In Russian)
- 8 Khabermas Iu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action], translated from German by D. V. Skliadnev. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 382 p. (In Russian)
- 9 Iastrebtseva A. V. Metaetika: realizm i antirealizm v sovremennykh diskussiiakh ob osnovaniiakh normativnosti [Metaethics: realism and anti-realism in modern discussions on the foundations of normativity]. *Voprosy filosofii*, 2016, no 10. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1503&Itemid=52 (accessed 07 June 2020). (In Russian)
- 10 Black M. The Gap between “Is” and “Should”. *Philosophical Review*, 1964, vol. 73, no 2, pp. 165–181. (In English)
- 11 Hare R. M. *The Language of Morals*. Oxford, Clarendon Press, 1952. 202 p. (In English)

- 12 Moore G. E. *Principia Ethica*. Cambridge, Cambridge University Press, 1903. 232 p. (In English)
- 13 Toulmin. St. *The examination of the place of reason in ethics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1950. 228 p. (In English)